

Светлана Владимировна Андреева

Россия, Саратовский государственный университет

Устная русская речь: принципы выделения и классификации единиц дискурса

Ключевые слова: устная речь, речевые единицы, система единиц, зоны употребления, функции, полевая структура

Key words: speech, units of speech, system of units, domains of usage, functions, field structure

Abstract

In the paper a new typology of units used in spoken Russian is worked out on the basis of their language and speech characteristics. The methods are described in terms of five key principles. A system of units is set up, and the domains of their usage and functions are described. The new approach has made it possible to reveal the field structure of oral communication domains and their units.

Принципы и методика выделения единиц устного дискурса были обоснованы в нашей статье, опубликованной в журнале Российской академии наук «Вопросы языкознания» в 2004 г. Затем они развивались и были изложены в монографиях [Андреева 2005; 2006; 2012]. Цель данной публикации – не столько представить саму типологию единиц устного дискурса на основе их строения и функций, сколько раскрыть принципы и методы их выделения и классификации, которые могут дать основания для анализа дискурса любого типа. Материалом исследования послужила устно продуцируемая речь (диктофонные записи автора разговорно-бытовых, массово-информационных и научных дискурсов, опубликованные тексты устной речи).

До определенного времени традиционная лингвистика была ориентирована преимущественно на описание статической модели языковой системы. Грамматические понятия складывались под влиянием письменной речи. Только со второй половины XX в. внимание лингвистов сосредоточилось на «человеке говорящем», и язык как знаковая система перестал быть в центре

внимания. По свидетельству В. Г. Костомарова, «запоздалый интерес» к устной форме речи возник по-настоящему лишь в 60-е гг. и походил на всеобщую «золотую лихорадку» [Костомаров 2005: 137].

В нескольких российских научных центрах (под руководством Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой) и за рубежом активно и масштабно начала изучаться разговорная речь. Лингвисты саратовской школы, в частности, выявляли сущностные признаки и особенности русской разговорной речи [Сиротинина 1974], исследовали свойства интонационной организации спонтанной речи [Андреева, Полищук, Сокиркина 1984], рассматривали устную литературную речь в онтогенезе [Седов 1986], анализировали разговорную речь в сопоставлении с другими функциональными стилями современного русского литературного языка [Сиротинина 1983; 1992] и мн. др.

В результате таких коллективных усилий «разговорников» была подтверждена идея о существовании лингвистики речи наряду с лингвистикой языка. Вместе с тем во весь рост встали проблемы, затрудняющие создание лингвистики речи, призванной раскрыть закономерности как построения, так и функционирования речевых единиц.

Каковы эти проблемы? Ученые, в частности, пришли к заключению о несовпадении границ языковых и речевых единиц, и начался поиск структурных единиц устной речи. В результате исследований петербургских ученых [Богданова 2007] было выяснено, что подход к поиску границ предложений через интонационное членение спонтанных текстов не дает удовлетворительных результатов, так как интонационное и синтаксическое членение устной речи соответствуют друг другу, по данным А. А. Степихова, не более чем в 54% случаев [Степихов 2005]. Одной из попыток поиска конструктивной единицы была идея о структурно-синтаксическом единстве, под которым понимается предикативный центр с зависимыми словоформами [Филиппова 2006]. Однако по справедливому замечанию Н. В. Богдановой,

[...] при том, что это весьма удачный способ обойти основные трудности синтаксического членения спонтанного текста и удобная единица описания его структуры, многих сложностей интерпретации такой подход не снимает. На пути создания грамматики речи вопросов пока еще значительно больше, чем ответов. Поиск единиц описания спонтанной речи (метапонятий речи) должен быть продолжен [Богданова 2007: 193].

Ученые столкнулись с многочисленными затруднениями и в синтаксической квалификации речевых фактов. В связи с этим в научной литературе начала обсуждаться проблема недостаточности выделения только одной коммуникативной единицы – предложения. Появляется понятие функциональных заместителей предложения, т. е. специфических коммуникативных единиц, не соответствующих грамматической модели предложения, выполняющих только речерегулирующие функции, выражающих большой диапазон модальных

значений (*Еще чего! Ни за что! Да ну!* и др.). Терминологическая пестрота, наблюдавшаяся в обозначении этого речевого феномена, отражает, на наш взгляд, не только неопределенность его статуса и в связи с этим разные подходы ученых, но и диффузный характер самих единиц: их обозначали как «релятивы» [Валимова 1967; Сиротинина 1974], «метакоммуникативные сигналы слушающего» [Чхетиани 1987], «фразоиды» [Теньер 1988], «сенсенсоиды» [Прибыток 1992], «коммуникемы» [Меликян 1999] и т. д.

В последнее время общепринятым становится термин «коммуникатив» [Викторова 1999; Колокольцева 2001; Сиротинина 2010 и др.]. Для нас, вслед за другими сторонниками синтаксического подхода к такого рода единицам, доминирующим признаком является их функциональное своеобразие – речерегулирующая роль. Термин «коммуникатив» отражает как раз функциональную сторону явления, т. е. возможность использоваться в речи наряду с другими единицами коммуникации.

Таким образом, несмотря на большое количество работ по устной речи (разговорной, научной, телевизионной и т. д.), система синтаксических единиц еще не построена, а разработанная для письменной речи плохо подходит к речи устной и современной письменной.

Проведенный нами анализ фактического материала объемом 150 тысяч словоупотреблений показал, что неоднозначные с точки зрения структурно-семантической классификации речевые факты (т. е. это и не предложения, и не коммуникативы в их привычном понимании) составляют в зависимости от типа дискурса от 2,5% до 13%. Следовательно, проблема «инвентаря тех единиц, которые должны стать стержнем любой грамматики, в том числе и грамматики речи» [Богданова 2007: 190] продолжает оставаться первостепенной.

Представленная в наших работах типология единиц дискурса [Андреева 2004; 2005; 2006] базируется на пяти принципах. Рассмотрим их.

1. Учет вида информации, реализуемой единицами дискурса

В современных лингвистических исследованиях разрабатывается идея о двух уровнях речевого общения: коммуникативно-информативном, основном, и коммуникативно-организующем, вспомогательном [Менг 1982; Пономарева 1991; Безяева 2002 и др.]. Как установили исследователи, со стороны адресата коммуникация предполагает не только декодирование семантики языковых знаков, но и раскрытие использованных глубинных смыслов текста, presupпозиций, авторских стратегий, учет фоновых знаний, ситуации общения

и структуры дискурса. К этим выводам близки теоретические положения О. Б. Йокоямы о семи видах знания, в том числе метаинформационном, совершенно необходимом для успешного осуществления информационного дискурса [Йокояма 2005]. Для нас важно утверждение исследовательницы о том, что средства передачи метаинформационного знания (т. е. знания кода и дискурсивной ситуации) вырабатываются в каждом языке, следовательно, само это знание универсально для разных языковых систем и без него невозможен прием информации.

Передаваемую в речевом общении информацию первоначально (при общем подходе) мы подразделили на два вида: фактуальную и коммуникативную. Под фактуальной информацией понимается все то, что пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в момент коммуникации.

В дальнейшем были выделены две разновидности коммуникативной информации. Это собственно коммуникативная информация, отражающая взаимодействие между собеседниками, направленная на организацию общения (информативность в контакторегулирующем и оценочно-интерпретационном планах). Вторая разновидность – информация дискурсивная, направленная на организацию дискурса и ориентацию в нем адресата (информативность в плане структурирования дискурса, обозначения роли фрагмента, отношения к нему автора, оценки собственной речи и т. д.).

В результате исследования речевой реальности нами выделены три основные вида информации, реализуемой в дискурсе. В соответствии с этим в континууме устной коммуникации выявлены три функциональные зоны речевых единиц: информационная, регулятивная и дискурсивная, а также две области их наложения (информационно-регулятивная и регулятивно-дискурсивная).

Выяснилось, что для разговорно-бытового дискурса строительным материалом служат в основном единицы первых двух зон: информационной и регулятивной, а также пространства их наложения. Единицы дискурсивной зоны здесь практически не представлены, так как они менее всего релевантны для разговорно-бытового диалога, не ориентированного из-за наличия общей апперцепционной базы коммуникантов на возможность множественности интерпретаций и в связи с этим на необходимость четкой организации дискурса.

В массово-информационном дискурсе функционируют речевые единицы всех трех зон речевой коммуникации и пространств их наложения (можно сказать, что этот тип дискурса «покоится на трех китах»). По сравнению с разговорно-бытовым дискурсом здесь значительно увеличен удельный вес единиц дискурсивной зоны.

Строительным материалом для научного дискурса служат в основном единицы двух зон: информационной и дискурсивной.

Таким образом, можно говорить о том, что каждый тип устного дискурса в зависимости от сферы и среды общения характеризуется своим

соотношением информационного, регулятивного и дискурсивного «вектора», определяющим и соотношением в нем единиц дискурса, что реализует тезис о языковом единстве и речевом варьировании.

2. Комплексное рассмотрение языковой природы и речевых характеристик единиц дискурса

В современной лингвистике наблюдается выраженная тенденция перехода от исследования фрагментов системы языка к исследованию системы «языка–речи» в целом. В фокусе внимания – двусущностное единство «язык–речь» как функционирующее устройство во взаимодействии всех его составляющих.

Одной из актуальных и сложных оказывается проблема классификации языковых единиц на основе их коммуникативной роли в конкретных дискурсах. Формулируя трудные для решения задачи современного этапа изучения речевой коммуникации, О. Б. Сиротина пишет:

Есть неотложные задачи внутри изучения речевой коммуникации и ее основного механизма – языка. Переход к исследованию конкретных дискурсов сразу же выявил «прорехи» традиционной лингвистики с ее довольно четким делением слов на знаменательные и служебные. Уже давно был установлен факт перехода ряда слов из одного разряда в другой. Но изучение конкретных дискурсов поставило задачу более сложного деления слов по выполняемым ими функциям в дискурсе (работы Л. Теньера, Г. В. Валимовой, И. И. Прибыток, В. Ю. Меликяна, С. В. Андреевой и др.) [Сиротина 2010].

Для типологии единиц дискурса нами используется тщательно разработанный набор их параметров: особенности реализации категории предикативности, структурно-семантическая специфика, выражение диктумных и модусных смыслов, степень коммуникативной самодостаточности, характер передаваемой информации, конкретная функциональная направленность. На базе указанных параметров выделено пять типов основных единиц: типичная предикативная, структурно модифицированная предикативная, функционально-семантически модифицированная предикативная, предикативно-релятивная, релятивная.

Проводимое **комплексное** изучение единиц устной речи позволило: 1) выделить и классифицировать единицы на основе наборов их дифференциальных признаков, 2) определить системное взаимодействие этих единиц и закономерности их функционирования в разных типах устного дискурса, 3) характеризовать рассмотренные типы устного дискурса с точки зрения распределения в них речевых единиц разных функциональных зон (своеобразные «векторы» дискурса).

3. Необходимость разграничения основных и вспомогательных единиц дискурса

В соответствии с разделением информации на фактуальную и коммуникативную выделяем основные и вспомогательные единицы дискурса. Основные единицы речевой коммуникации являются строительным материалом всех исследованных устных дискурсов (без них не обходится коммуникация). Основные единицы можно определить следующим образом: это единицы как предложенческого типа на основе свободного конструирования, характеризующиеся реальной, формальной или актуально-ситуативной предикативностью, так и клишированные единицы релятивного типа, не обладающие признаками грамматической моделируемости и предикативности, но отличающиеся функциональной самостоятельностью, интонационной завершенностью и вместе с предложенческими единицами образующие «костяк» («тело») дискурса, особенно в устной диалогической речи.

Рассмотрим пример: – А.: *Ты едешь с ними завтра?* – Б.: *Ни за что!*

Непредикативный нечленимый коммуникатив *Ни за что!* выступает функциональным эквивалентом предложения, предназначенного для формирования и передачи диктумного, номинативного содержания. Исходя из этого, можно говорить о том, что данный коммуникатив представляет собой речевую единицу основного типа. Действительно, коммуникативы *Да/Нет* и их модализованные варианты характеризуются ограниченным информативным потенциалом (при отсутствии денотативного и сигнификативного значений). Не вызывает сомнений, что номинативно некоторые из таких коммуникативов вошли в лексическую систему языка (*Да; Нет; Ни за что* и т. п.).

Наряду с основными единицами в речевой коммуникации функционируют и вспомогательные. Они не составляют синтаксический «костяк» дискурса, так как их функционирование ограничено конкретными речеорганизующими задачами и поэтому факультативно [Андреева 2010]. При исследовании структуры дискурса и его функционирования приоритет пока остается за полнозначными элементами, реализующими фактуальную информацию. Вместе с тем лексически малозначимые элементы изучены явно недостаточно, хотя ученые признают их важную роль в речи.

Как подчеркивают российские и зарубежные лингвисты, чтобы быть правильно понятым, адресанту нужно основательно потрудиться: учитывать параметры личности собеседника, его психофизические характеристики; проявлять внимание к его интересам, потребностям; выражать симпатию, создавать «общую почву»; ориентировать адресата в структуре дискурса и т. д. Все это обуславливает выбор и использование определенных вспомогательных единиц, которые и формируют вспомогательно-организующий уровень речевой коммуникации.

Некоторые единицы вспомогательно-организующего уровня исследовались в разное время и в разных аспектах, например, в аспекте речевого этикета, в аспекте специфических коммуникативных единиц речи. В последнее время русисты активно исследуют дискурсивные, структурные элементы, организующие высказывание и дискурс в целом. В англистике дискурсивные единицы (*discourse markers, inserts, function words*) получают освещение в современных грамматиках. Англоязычные издания [Biber, Johansson, Conrad, Finegan 2000; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 2003] отражают интерес лингвистов к разнообразным дискурсивным элементам: в фокусе внимания находятся связки (*connectives*), а также дискурсивные элементы (*discourse markers, formulae*) как монолога, так и диалога.

В процессе речевой коммуникации происходит как обмен фактуальной информацией, так и определение отношений коммуникантов. Вспомогательные единицы (в которые не включаются чисто служебные элементы) выполняют важную прагматическую функцию заботы об адресате, в частности облегчения процесса восприятия поступающей фактуальной информации, осуществляют речевое «поглаживание» собеседника, служат целям психологической синхронизации. Даже чисто фатические высказывания, десемантизированные, референтно не соотнесенные, содержат в себе информационный заряд об общей тональности общения, взаимоотношениях собеседников.

Разграничение основных и вспомогательных единиц дискурса чрезвычайно важно для автоматического анализа спонтанной речи, для диалога «человек – машина». В речи информация разных видов (фактуальная, коммуникативная, дискурсивная) передается единым потоком. Синтез лингвистического и информационного подходов позволяет упростить собственно лингвистическую часть автоматической обработки речи, причем не эмпирическим путем, а опираясь на закономерности формирования и языкового выражения информации разных видов [Андреева 2011].

4. Сочетание дедуктивного и индуктивного подходов

При анализе основных единиц мы опирались как на дедуктивный подход (шли от гипотезы, что они информативны), так и на индуктивный (отсутствие или наличие информации другого вида наряду с фактуальной в каждой единице конкретного дискурса). Поэтому отдельные члены предложения в качестве самостоятельных речевых единиц нами не вычленялись, парцелляты считались неполными единицами.

Разные виды дискурсивов, контактных стимулов выделялись в качестве особых вспомогательных речевых единиц (они не входят в диктум

предложения, а следовательно, не видоизменяют фактуальную информацию, привнося информацию другого вида). При анализе вспомогательных единиц речевой коммуникации применялся чисто индуктивный подход, учитывались также следующие моменты: 1) коммуникативное, интонационное их выделение и образование ими особой синтагмы (по определению Л. В. Щербы, «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли» [Щерба 1963]), 2) возможность при определенных условиях быть самостоятельной единицей.

5. Объединение классификационных признаков и системного взаимодействия единиц дискурса

Классификационный подход предполагает, прежде всего, определение дифференциальных признаков и на их основе разграничение единиц. Системный подход нацелен на определение интегральных признаков и выявление взаимосвязей между единицами. Сочетание классификационного и системного подходов дает возможность не только вычленить единицы дискурса, но и раскрыть их внутренние связи.

Сложность типологии единиц дискурса обусловлена двумя моментами. Во-первых, в динамике речи первичная языковая основа может изменять свои потенциальные свойства и соответственно функцию. Как показал анализ, в речи возможно ослабление информативности единиц, вплоть до полной ее утраты. В связи с ускорением темпа жизни наблюдается активизация коммуникативных процессов: 1) функциональной конвенциализации типичных предикативных единиц, приводящей к угасанию в них информативной функции, 2) формирования коммуникативов как собственно речевого, так и языкового уровней.

В связи с высокой частотностью в реальной коммуникации неспециализированных вспомогательных единиц возникает проблема десемантизации и функционально-семантической трансформации языковых единиц в речи. Так, категориальной функцией финитного глагола является обозначение предикативного признака субъекта. В плане содержания это предикат, а в плане выражения – глагольное сказуемое. В речевой коммуникации глагольные лексемы часто выступают не в своей первичной языковой роли, а регулируют отношения коммуникантов: – А.: *Позови Иру к телефону*// – Б.: *Знаешь/ она уже ушла...*

Функционально-семантическая трансформация в речи языковых единиц (глагольных лексем и предикативных единиц) носит градуальный характер в зависимости от степени десемантизации, в том числе:

- 1) модификации исходного лексического значения единицы вплоть до десемантизации,
- 2) «отдаления» (абстрагированием) от соответствующего денотата,
- 3) «выветривания» категории предикативности вплоть до формальной.

Таким образом, можно говорить о том, что состав элементов вспомогательно-организующего уровня расширяется за счет неспециализированных единиц (предикативно оформленных, но с регулятивной или дискурсивной направленностью). На пути «дискурсивизации» и «прагматикализации» можно обнаружить единицы с разной степенью утраты номинативного содержания.

Вторая сложность связана с тем, что система единиц дискурса характеризуется наличием переходных явлений, гибридных образований. Как известно, проблема диалектики непрерывного и прерывного в языке–речи является одной из важнейших в лингвистике. Среди единиц дискурса можно выделить информативно однозначные и информативно синкретичные.

Синкретичные единицы представляют особый интерес, поскольку на них мало обращалось внимания другими исследователями. Например, типичные предикативные единицы могут синкретично контаминировать фактуальную и коммуникативную информацию. Из речи телеведущих: *Завтра в это же время дня обязательно увидимся//*. Здесь контаминируется информирование о дате и времени следующего выхода в эфир и коммуникативное регулирование (это конвенционализованная формула прощания). Синкретичные единицы относятся к пространствам наложения зон речевой коммуникации, разным звеньям шкалы переходности. Выявление информативно однозначных и синкретичных единиц позволило осознать, что комплекс зон имеет признаки полевой системности, диффузность зон определяет и диффузность функций данных единиц [Андреева 2006: 109–110].

Выявленную картину основных и переходных зон континуума речевой коммуникации можно соотнести с образной картиной синтаксиса, которую рисует Ю. С. Степанов:

Скорее всего синтаксис можно уподобить обширному континууму, в котором имеется хорошо структурированная часть – сетка, или решетка, состоящая из узлов (структурных моделей предложений) и линий отношений (трансформаций), связывающих узлы, в котором одновременно имеются почти непрерывные ряды синтаксических единиц, различающихся вариациями [...] и заполняющих промежутки между узлами и линиями решетки [Степанов 1989: 7].

Предикативная единица, основной ролью которой является передача фактуальной информации, может быть использована в других зонах речевой коммуникации, что свидетельствует о ее многофункциональности. Многофункциональность предикативной единицы (использование в информационной, информационно-регулятивной, регулятивной,

регулятивно-дискурсивной и дискурсивной зонах) позволяет рассматривать ее как **универсальную** единицу речевой коммуникации.

Коммуникативы и дискурсивы мы рассматриваем как **специализированные единицы** определенных зон, поскольку их функционирование ограничено конкретными речеорганизующими задачами и соответствующими зонами речевой коммуникации. Поэтому считаем их специализированными средствами коммуникации, выработанными и конвенционализированными в процессе речевого употребления за счет сокращения или модификации типичных предикативных единиц.

Таким образом, под **системой единиц речевой коммуникации** мы понимаем совокупность всех единиц устного дискурса (основных и вспомогательных), их связей и противопоставлений.

Приведем фрагмент телефонного разговора и последующего краткого анализа всех выделенных в нем единиц речевой коммуникации (каждая речевая единица сопровождается порядковым номером в круглых скобках).

Ситуативный контекст: разговор по телефону подруг – Л. (филолог, преподаватель вуза, 39 лет) и М. (домохозяйка, по образованию филолог, 42 года). Накануне М. с мужем были в гостях у Л. Сергей – муж Л.

– Л.: *Алло!* (1) (пауза) *Алло!* (2)

– М.: *Леночка!* (3) *привет!* (4)

– Л.: *Ой!* (5) *Маринка!* (6) *привет!* (7)

– М.: *Мы вас вчера не сильно утомили?* (8)

– Л.: *Да ты что!* (9) *я так рада была* (10) *что вы пришли!* (11)

– М.: *А то мне показалось!* (12) *что Сережка засыпал совсем!* (13)

– Л.: *Нет!* (14) *ты знаешь!* (15) *он что-то так на работе переутомляется!* (16)...

Коммуникативы *Алло!* (1, 2) демонстрируют готовность к контакту, приглашая коммуниканта к реализации речевой инициативы. Звуковой жест *Ой!* (5) можно квалифицировать в данном случае как коммуникатив, характеризующийся двойственной ролью: сигнальной (опознавание собеседницы) и регулятивной (радость по поводу контакта). *Привет!* (4, 7) квалифицируем как коммуникативы, осуществляющие установление контакта и подчеркивающие неофициальность межличностных отношений. Обращения *Леночка*, *Маринка* (3, 6), хотя и не служат средством привлечения внимания кого-то, имеют контактоустанавливающую направленность. Считаем, что они не являются модифицированными предикативными единицами (ср.: *Это ты!* *Леночка*), поскольку интенция говорящего заключается не в идентификации. Это положительная реакция узнавания, радости, приятного удивления и т. п. Фатическая функция установления контакта расширяется за счет настраивания собеседницы на непринужденную тональность общения. На этом основании квалифицируем обращения как коммуникативы. Вопросительная реплика *Мы вас вчера не сильно утомили?* (8) характеризуется синкретизмом: представляет

собой типичную предикативную единицу информативно-регулятивной направленности, так как нацелена не столько на запрос фактуальной информации, сколько на развитие контакта. М. стремится отдать дань вежливости принимавшим их накануне хозяевам и убедиться, что визит не был причиной не совсем праздничного настроения мужа Л. – Сергея (*А то мне показалось/ что Сережка засыпал совсем/*). Осознавая фатическую составляющую вопросительной реплики, хозяйка Л. использует в качестве ответа коммуникатив категоричного отрицания *Да ты что* (9). Следующие четыре единицы *я так рада была* (10) *что вы пришли* (11) *а то мне показалось* (12) *что Сережка засыпал совсем* (13) являются типичными предикативными, функционирующими в составе сложных единиц. Они реализуют разную фактуальную информацию. *Нет* (14) используется как коммуникатив, реализующий прагматическое значение несогласия (оценка мнения собеседницы как несоответствующего действительности). *Ты знаешь* (15) – коммуникатив с формальной предикативностью, выполняющий функцию контактного стимула. *Он что-то так на работе переутомляется* (16) – типичная предикативная единица в роли информатива, раскрывающего истинные причины «утомленности» мужа.

Таким образом, на базе универсальных принципов разработана коммуникативно-функциональная типология единиц речевой коммуникации. Основой для выделения единицы служит ее самостоятельная коммуникативная функция в дискурсе (т. е. реализация информации определенного вида), разграничивающая составные части высказывания и не позволяющая объединить их в единое целое. Проведенное исследование позволило также определить системное взаимодействие единиц русской речи, их коммуникативный потенциал. Полученные результаты способствуют решению актуальной для русистики проблемы, так как созданная типология речевых единиц служит опознаванию «неопознанных синтаксических объектов» реальной устной речи. Совокупность полученных результатов создает фундамент нового направления синтаксиса – изучения не только отдельных синтаксических единиц, а всей реальной коммуникации как динамично меняющегося полевого устройства.

Задачей дальнейших исследований является выяснение частотности, регулярности, особенностей функционирования всех выделенных в процессе работы единиц: с преобладанием тех или иных в разных типах и сферах как устного общения (непосредственного и опосредованного различными техническими устройствами), так и письменного.

Литература

- Андреева С. В., 2004, Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи, *Вопросы языкознания*, № 5, с. 32–45.
- Андреева С. В., 2005, *Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи*, Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Андреева С. В., 2006, *Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции*, Москва: КомКнига.
- Андреева С. В., 2010, Вспомогательные единицы речевой коммуникации: современное состояние и перспективы изучения [в:] С. В. Андреева (ред.), *Предложение и Слово*, Саратов: Издательский центр «Наука», с. 31–41.
- Андреева С. В., 2011, Вспомогательные единицы речи в лингвистической теории и «интеллектуальных» системах [в:] *Анализ разговорной русской речи*, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения РАН, с. 33–41.
- Андреева С. В., 2012, *Устная речь: Виды информации, единицы коммуникации и их реализация*, [Саарбрюккен, Германия]: Lambert Academic Publishing.
- Андреева С. В., Полищук Г. Г., Сокиркина Л. И., 1984, Анализ восприятия смысло-различительных особенностей интонации [в:] *Экспериментально-фонетический анализ речи*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета, с. 166–176.
- Безяева М. Г., 2002, *Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге*, Москва: Издательство МГУ.
- Богданова Н. В., 2007, Метапонятия языка и речи (к вопросу о поиске единиц описания живой речи) [в:] *Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры*, Пловдив: Издательство университета «Паисий Хилендарски», с. 189–194.
- Валимова Г. В., 1967, *Функциональные типы предложений в современном русском языке*, Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
- Викторова Е. Ю., 1999, *Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Саратов.
- Йокояма О. Б., 2005, *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*, Москва: Языки славянской культуры.
- Колокольцева Т. Н., 2001, *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*, Волгоград: Издательство Волгоградского университета.
- Костомаров В. Г., 2005, *Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики*, Москва: Гардарики.
- Меликян В. Ю., 1999, *Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь*, Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство.
- Менг К., 1982, Проблема анализа диалогического общения [в:] Ю. А. Сорокин (отв. ред.), *Текст как психолингвистическая реальность*, Москва: Наука, с. 14–18.
- Пономарева Т. В., 1991, Сочетаемость информативных высказываний разных прагматических типов с этикетными контактными стимулами [в:] Г. Н. Эйхбаум, В. А. Михайлов (отв. ред.), *Языковые единицы в речевой коммуникации*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета, с. 131–138.

- Прибыток И. И., 1992, *Английские сентенсоиды. Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования*, Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Седов К. Ю., 1986, Устная литературная речь в онтогенезе [в:] О. Б. Сиротинина (отв. ред.), *Функционирование языка в разных видах речи*, Саратов: Издательство Саратовского университета, с. 98–104.
- Сиротинина О. Б., 1974, *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва: Просвещение.
- Сиротинина О. Б., 2010, Речевая коммуникация: проблемы и трудности ее изучения [в:] С. В. Андреева (ред.), *Предложение и Слово*, Саратов: Издательский центр «Наука», с. 295–299.
- Сиротинина О. Б. (ред.), 1983, *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика*, Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Сиротинина О. Б. (ред.), 1992, *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика*, Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Степанов Ю. С., 1989, *Индоевропейское предложение*, Москва: Наука.
- Степихов А. А., 2005, *Соотношение синтаксического и интонационного членения в спонтанном монологе: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Санкт-Петербург.
- Теньер Л., 1988, *Основы структурного синтаксиса*, Москва: Прогресс.
- Филиппова Н. С., 2006, Опыт анализа синтаксической структуры устного спонтанного монолога-описания [в:] *Материалы IX межвузовской научной конференции студентов-филологов*, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, с. 51–52.
- Чхетиани Т. Д., 1987, Специализированные метакоммуникативные сигналы поддержания речевого контакта [в:] *Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц*, Краснодар: Издательство Краснодарского университета.
- Щерба Л. В., 1963, *Фонетика французского языка*, изд. 7-е, Москва: Высшая школа.
- Biber D., Johansson S., Conrad S., Finegan E., 2000, *Longman Grammar of Spoken and Written English*, Harlow: Pearson Education Limited.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., 2003, *A Comprehensive Grammar of the English Language*, Harlow: Pearson Education Limited.